

Ю. В. Мелякова, кандидат философских наук, доцент

МЕТОД ДЕКОНСТРУКЦИИ В НАРРАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВА

В статье обосновывается целесообразность отхода от дедуктивно-номологического повествования и объяснения права в сторону трансгрессии правовых смыслов и формирования метаправового пространства через нарративный дискурс. Теоретически обосновывается необходимость распространения принципов деконструкции, постструктурализма и синергетики на правовую реальность в целях согласованности способов бытия позитивного права и хаотичного информационного пространства постмодерна.

Ключевые слова: нарративный дискурс, метаправо, динамизм права, телесность права, интертекстуальность, информационно-коммуникативное пространство, деконструкция.

Новейшие социо-гуманитарные и семиотические тенденции преобразования языковых тропов от повествования к дискурсу значительно влияют на семантику и герменевтику права. Постмодернизм выявил деконструктивные возможности правового нарратива, позволяющие ощутить телесность права. Характерной особенностью деконструктивной интерпретации права является смещение смыслотворческой инициативы от автора юридической нормы к ее применителю – непосредственному участнику дискурса.

Особую **актуальность** на этом фоне приобретают проблемы герменевтических возможностей права в виртуальном мире коммуникации, а также его оптимальной языковой формализации на различных этапах правоприменения. Это затрагивает более масштабную проблему смысла права как такового. Мир идей и мир социальных связей существуют сегодня посредством коммуникации и по ее принципам. Это далеко не всегда приводит к диалогу, консенсусу и договору, но часто – к непримиримому диссонансу и деструкции. Поэтому в значительной степени **актуальным** представляется сегодня поиск новых смыслов и обоснований права для субъекта информационно-коммуникативного бытия.

Целью данного исследования является обоснование необходимости деконструкции речевых и текстовых структур права на принципах дискурсивной коммуникации, интересубъективизма и смысловой креативности. Одной из задач на пути к этой цели представляется анализ уже наработанных в литературе и историографии принципов тропологии и деконструкции для при-

менения их в правовом нарративе в надежде поколебать позитивистские каноны юридического повествования. Задачей исследования является также поиск и анализ онтологических и методологических оснований для новых смыслов права в условиях динамичного хаоса.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует, что специальные проблемы структурирования и интерпретации правовых текстов, связанные с демифологизацией права в дискурсе, до сих пор не нашли отклика в философско-правовой литературе. Выход на проблему правового нарратива в данном исследовании осуществляется через литературную семиотику (Ц. Тодоров, Н. Фатеева, М. Рыклин), структурализм (Р. Барт, В. Беньямин, М. Ямпольский, У. Эко), а также европейский деконструктивизм, уделявший внимание особенностям бытия вещей в пространстве речи (Ж. Деррида, Ж. Батай, П. Рикер), в том числе через тропологию исторического нарратива Х. Уайта. В целях собственно обоснования техники дискурсивного нарратива привлечены работы по методологии истории (Б. Кроче, А. Пронштейн, М. Блок), философии деконструкции (М. Фуко, В. Подорога, М. Хайдеггер), структурализму (О. Фрейденберг, Ю. Меламед), философии права (В. Речицкий, В. Баранов).

Изложение основного материала. Постструктуралистский подход к правовому повествованию позволяет выявить способы функционирования письма и производства смыслов, а также достичь понимания того, что смысл права не задаваем его прагматично-позитивистским критерием и даже не сводим к бесконечному множеству индивидуальных смыслов. Он возникает в самом процессе референции эмпирических событий, более того, совпадает с самим его поиском. Следовательно, справедливость есть трансгрессия – вечное становление.

Герменевтико-феноменологический анализ правовых текстов (нормативных материалов, законов, материалов судебной практики и материалов следствия) позволяет говорить о них как о юридическом метатексте в значении открытого центонного знакового пространства, обращенного к глобальному опыту и традиции метаправа. Истолкование и понимание метаправа осуществимо при помощи тропологической теории дискурса. Тропология есть инструмент анализа и осмысления фактов, образов, понятий и связей между ними, которые служат знаками реальности, репрезентируемой в нарративе. В свою очередь, тропология правового текста есть методология понимания юридической ситуации и логика установления юридической справедливости в контексте правового нарратива. Если легизм пытался сделать это при помощи критично-номологического анализа, то интересубъективизм – посредством нарративного дискурса. При этом уход от детерминированной пове-

ствовательности, концептуальности, конструктивизма и стереотипности грозит юридическому нарративу утратой его официально-правового характера и легитимности, поскольку в поле юридического нарратива роль незыблемой меры справедливости выполняет закон.

В правовой реальности вердикт правосудия останавливает дискурс справедливости, а вместе с ним и становление смыслового поля. Однако правовая ситуация продолжает развиваться. Не стоят на месте события, сведения и мнения о них субъектов, их значение, оценка, значимость и, наконец, правовая реальность, сами законы. Целесообразно тщательное исследование отношений между способом завершения повествования и возможностями смыслообразования в нем. В современной тропологии прогресс и финализм замещаются процессуальностью, конструктивизм – хаотичной деконструкцией, конец – кризисом в значении нескончаемого перехода, а детерминистское объяснение – дискуссионным разногласием (полилогом). При этом техникой понимания в коммуникативной реальности права выступает именно дискурс; он же гарантирует правовую справедливость при условии независимого договора.

Тропологически именно пафос ничем не корректируемой, безстереотипной интерпретации позволяет освободиться от влияния конца (сюжетного финала), то есть от обусловленности. Неожиданность результата – вместо приближения ожидаемого. Онтологические контакты с прошлым и будущим, действительным и должным, мотивами и последствиями, обвинениями и оправданиями происходят в открытом доступе дискурсивного нарратива. Стратегия интерпретатора должна ориентировать на критику как обвинений, так и оправданий, на контраст их аргументации. Именно текстуальные артикуляции способны задать логику интерпретации правового текста. Новая рациональность заключена в самой технологии интерпретации событий посредством многостороннего дискурса заинтересованных и незаинтересованных лиц. Фиксируемый формально конфликт аргументов и точек зрения образует открытый и динамичный метанарратив, продуктивный в отношении смыслов.

Нарративная природа судебного приговора не телесна по своей сути. Приговор есть событие поверхности – формализованное переплетение суждений по алгоритмам закона (особая тропология). На пике роковой парадоксальности противостоят друг другу два вида нарратива-приговора: обвинение и оправдание как несовместимые и взаимоисключающие результаты правосудия. Именно они влекут ожидаемую телесность права и являются гарантией правоприменения. Однако при этом «обвинение» и «оправдание» – по сути просто утверждения. Таким образом, посредником между событиями, которые уже произошли и не повторятся, и событиями, которые станут реакцией правосудия на них (санкция или оправдание), является нарратив-приговор.

Необходимо в очередной раз признать правоту П. Рикера относительно того, что право осуществляется в пространстве языка [1]. Однако в то время как современный литературный и социальный дискурсы претендуют на свободу и плюрализм, юридический приговор, необратимо решая судьбы людей, требует строгой однозначности. На этом фоне противоречивым представляется соотношение двух реальностей: правовой реальности дискурса и реальности исполнения приговора, обе из которых являются неотъемлемыми этапами правосудия. Дискурс – затянувшийся кризис, смысловая трансгрессия. Приговор – необратимый финал, кульминация интриги. Синергетическая логика открытого, нелинейного дискурса права – против диалектической логики номологического повествования (гипотеза – диспозиция – санкция).

Формализм позитивного права («буква закона») тропологически и конъюнктурно обуславливает легитимный приговор. Однако легитимность гораздо уже справедливости как таковой. Удовлетворить требования справедливости – вовсе не означает вынести обвинительный или оправдательный приговор. Часто значение и знак не совпадают. Легализирующий комментарий умертвляет смысл факта, который комментируется. Некомментируемая же фрагментарная подробность делает этот мир неполным, чем активизирует сознание интерпретатора, открывает и расширяет горизонт его понимания.

Механизм правового смыслообразования запускается в ходе сопоставления в одном юридическом нарративе субъективно-свидетельских, протоколирующих, нормативных и интерпретирующих текстов, а также наслаивания определенных фактов, их оценок и толкований. При сдвигах, столкновениях и наслоениях противоречивых интертекстуальных рядов происходит мерцание правовой справедливости – гармоничного и адекватного долженствования. Каждый фрагмент правового гипертекста, оказываясь включенным в целую сеть текстов, созданных до него или параллельно с ним, приобретает визуальное многомерное прочтение, становясь, по выражению У. Эко, мультисеквенциальным [2, с. 6], деконструктивным. Рассеивание смысла и структуры гипертекста ориентированы на формирование метасознания, которое бы уравнивало и примиряло в одном глобальном пространстве интерпретации многих авторов и толкователей – участников правовой реальности, предоставляя им вольный фокус правового зрения, путей и способов понимания права.

В юриспруденции означаемое, или исходные фактические материалы дела, получает оценку и смысл в результате наложения на него устойчивых формализованных наименований. Итогом такого позитивного наложения становится юридическая квалификация того или иного факта как соответствия норме

или отклонения от нее. Согласно же постнеклассической теории понимания права утрата однозначной связи между означаемым (фактом) и означающим (нормой) стимулирует становление самого телоса права. Отсюда возникает новый образ права: право – не как ограничение, а как возможность. Следовательно, эффект правоприменения все более зависит от широты горизонта интерпретации правового нарратива.

Вполне очевидными являются сегодня такие свойства информационно-коммуникативной среды и ее субъектов, как анонимность, спонтанная ориентированность, самодостаточность, самоцельность (в себе цель), поверхностность, неустойчивость позиции. Все это в значительной степени затрудняет возможность рационального регулирования, систематизации и привлечения к ответственности участников коммуникации. Так, по мнению Ю. Меламед, коммуникация имеет свойства самопорождения, самоорганизации и саморазвития (аутопойезис). Не люди осуществляют коммуникацию, но коммуникация осуществляет сама себя. Зачастую она бессубъектна, абсолютно нерациональна. Внутри коммуникативной системы могут образовываться лишь целеориентированные эпизоды [3, с. 16–17].

Нет никакой настоятельной необходимости считать стремление к консенсусу более характерным для коммуникации, нежели стремление к конфликту. В таком случае рассматриваемые качества деконструктивно-информационной среды свидетельствуют о непреодолимой на сегодняшний день пропасти между нею и регулятивной системой права в ценностном, онтологическом, гносеологическом и герменевтическом смыслах. Сетевая логика информационного пространства требует существенного изменения смысла права. От правовой теории сегодня требуется максимальная мобильность и креативность, абсолютная ориентация на реальность, практику, свидетельство. Основная же функция источника или свидетельства заключается в его беспристрастном самоговорении в ходе умело организованного правового дискурса.

Реформирование правовой системы имеет тенденцию: от практики – к комментарию (закону), а не наоборот. Законы должны в меньшей степени формировать социальную реальность, нежели реальность – законы. Поэтому основными привилегиями нормативного текста являются не его окончательность, идеальность и безапелляционность, а, напротив, трансформируемость, многослойность, многогранность, способность к смысловой деконструкции и регуляции нестабильных отношений при сохранении приоритета личных прав и свобод. Принципы чуткости и гибкости права заложены уже в самой правовой герменевтике, различающей номинальный и применительный смыслы правовой нормы, где последний обнаруживается как открытый в своем

многообразии (то есть специфичный относительно каждого фактического дела).

Вывод. Механизм формирования метаправового пространства через нарративный дискурс есть шаг к либерализации и гибкости права. Реактивная динамика современной социально-правовой реальности находит удачное отражение в семиотике интертекстуальных построений. Однако синергия множества смыслов неизбежно влечет аттракторное состояние законности, в чем и заключена тропология правового нарратива: тяготение к порядку. Принципиальный отход от позитивистской парадигмы требует пересмотра и герменевтической методологии права. Тексты-нормы постепенно изменяют свою функцию шаблона и образца на функцию ключа, алгоритма, аналога, посредством которого осуществляется право в сознании его субъектов и в отношениях между ними. Новый смысл права должен определить его в качестве полномочной и авторитетной структуры, адекватно и органично приобщенной к саморегулирующимся социальной, политической, информационной и другим системам коммуникативного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рикер П. Время и рассказ : пер. с фр. : в 4 ч. / П. Рикер. – Ч. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. – М. ; СПб. : Унив. кн., 2000. – 224 с.
2. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию : пер. с итал. / У. Эко. – СПб. : Петрополис, 1998. – 430 с.
3. Меламед Ю. Перепостили – следовательно, существую: что такое текст в фейсбуке / Ю. Меламед // Логос. – 2012. – № 2(86). – С. 10–18.
4. Рыклин М. Открытый опыт // Рыклин М. Террорологии / М. Рыклин. – Тарту : Эйдос, 1992. – С. 108–112.
5. Деррида Ж. Письмо и различие : пер. с фр. / Ж. Деррида. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 432 с.
6. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
7. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук : [пер с фр.] / М. Фуко. – СПб. : А-сad, 1994. – 405 с.
8. Речицкий В. Открытость информации как универсальное требование: [Электронный ресурс] / В. Речицкий. – Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/20/techizki20.html>.
9. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. : пер с англ. / Х. Уайт. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
10. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // В. Беньямин. Озарения : пер. с нем. / В. Беньямин. – М. : Мартис, 2000. – С. 122–152.

МЕТОД ДЕКОНСТРУКЦІЇ У НАРАЦІЇ ТА ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ПРАВА

Мелякова Ю. В.

У статті обґрунтовується доцільність методологічного відходу від дедуктивно-номологічного оповідання й пояснення права у бік трансгресії правових смислів та формування метаправового простору через нарративний дискурс. Отримує теоретичне обґрунтування необхідність поширення принципів деконструкції, постструктуралізму і синергетики на правову реальність з метою узгодження способів буття позитивного права й хаотичного інформаційного простору постмодерну.

Ключові слова: нарративний дискурс, метаправо, динамізм права, тілесність права, інтертекстуальність, інформаційно-комунікативний простір, деконструкція.

THE METHOD OF DECONSTRUCTION IN THE NARRATION AND INTERPRETATION OF LAW

Melyakova J. V.

The research is the philosophical and legal nature, are performed within the scope of the ontological hermeneutics within a philosophical paradigm of postmodernism and legal intersubjectivity. This is theoretical justification for the deconstruction of legal metatext. The method of deconstruction ranges positivist canons of law storytelling and opens up new possibilities of understanding law.

Integration, transcommunicative processes that occur in the world today, require a legal assessment and interpretation, and simultaneously convert the modern law. The law has to be exercised on the principles of intersubjectivity, self-regulation, discursively and openness. In domestic society, the law has still not acquired the status of an absolute criterion of fairness and priority among other social regulators. Existing systems and mechanisms for the application of the law still remain in the captivity of legal positivism and administrative dependence. General post-non-classical tendencies in science and culture make the isolation of law from the new methodology is impossible. The law must take its place in political reality. Today, the reality is assessed as virtualized communication, understanding and representation.

Legal reality is presented as a space of open discourse on many subjects, sources, texts, characters, eras and situations. Legal narrative deliberately departs from a deterministic narrative, conceptualization and stereotypes. Legal justice finds himself not in the verdict of justice, and transitive discourse. Philosophy of law does not seek to conclude this discourse, but seeks to extend it as long as possible and to attract many participants as possible. Deconstruction provides an endless transition from one legal meaning to another. This is a productive process of constructing the entity of the law. Living law ends at the time of announcement of the court verdict. The sentence is irreversible. It is the end of discourse and the legal meaning of a particular situation. There is a new way of law: the law is not a limitation, and the law is opportunity. Thus, the success and efficiency of understanding and application of law increasingly depend on the breadth of the horizon of interpretation of the legal field.

The newest of socio-humanitarian and semiotic trends in the transformation of linguistic tropes from narrative to discourse is much influenced by the semantics and hermeneutics of law. The tropology is a tool of analysis and understanding of the facts, images, concepts and relationships between them, which serve as signs of reality. The reality represented in the narrative. At the same time, a tropology of legal text there is a methodology of understanding the legal situation and the logic of legal justice in the context of legal narratives. The technology of understanding in the communicative reality of law is precisely the discourse. It also guarantees legal justice on provided an independent contract. A new rationality lies in the technology of interpretation of the events. This multilateral discourse technology of interested and disinterested persons. Recorded formally the conflict of arguments and points of view constitutes an open and dynamic metanarrativ, productive concerning meanings. The mechanism of formation metalaw space through narrative discourse is a step towards liberalization and flexibility of law. The reactive dynamics of modern socio-law reality finds a good reflection in semiotics intertextual constructions.

The legal hermeneutics deals with the problem of informal interpretation of the law in all its forms of existence: the texts, norms, legal situations, court cases, legal traditions, legal consciousness, and legal precedents. Hermeneutic interpretation of the law has no clear methods and techniques. It is based only on conventional principles. These principles include: subjectivity, autonomy, openness, concreteness, pragmatism, communication skills, pluralism, argumentativeness, communicative rationality. The reality of the law is known today as communication. The validity of the law consists in creation of productive discourse. This the discourse appealing to the aggravation of existing social antagonism and its settlement by the way of optimal consensus achievement. The justice is always the goal of legal discourse but its ethic and legal meanings are changeable.

In legal reality, the verdict of justice stops the discourse of justice, and with it the emergence of the semantic field. However, the legal situation continues to evolve. Events, information, and opinions of the subjects, their value, evaluating the significance of finally legal reality and the laws themselves are not standing still. Have a thorough study of the relationship between the mode of completion of the narrative and the possibilities of the formation of meaning in it.

In this study the expediency of departing from deductive-nomological narration and explanation of law toward transgression of legal meanings was substantiated and formation of metalegal space via narrative discourse. Theoretical substantiation of the need to extend applicability of the principles of deconstruction, post-structuralism and synergy onto legal reality to bring into accord the methods of existence of positive law and chaotic postmodern information space was given. There is a reassessment of the basic foundations and principles of interpretation of law, the position of postmodern philosophy. The author comprehends the use of technology intertextual narrative in a legal text. Based on the principle of Jacques Derrida: the world as text. Through deconstruction of legal metatext becomes possible semantic dynamics of the legal field. It is an adaptation of law to changing and creative contemporary reality.

Key words: *narrative discourse, metalaw, dynamism of law, corporality of law, intertextuality, information communication space, deconstruction.*

